ОТНОШЕНИЕ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ К СМЕРТИ
В АСПЕКТЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕЛИГИОЗНОСТИ

Алла Владимировна Фролова

Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
420008, г. Казань, Кремлевская, д.18, e-mail: alfrol1@mail.ru

Реферат. В данной статье рассматривается отношение онкологических больных к смерти в аспекте временной перспективы и религиозности. Важным результатом данного исследования явилось то, что в качестве индикаторов адекватного переживания страха смерти могут выступать различные параметры временной перспективы, отражающие способность к прогностической компетентности, выполняющие адаптивную функцию, программирующие конструктивное будущее поведение и являющееся маркером психологического здоровья. Выявлено, что религиозность не снижает страх смерти, но может повлиять на восприятие к смерти.

Ключевые слова: временная перспектива, прогностическая компетентность, отношение к смерти, религиозность.

ATTITUDE OF CANCER PATIENTS TO DEATH
IN TERMS OF TEMPORAL PERSPECTIVES AND
LEVEL OF RELIGIOSITY

Alla V. Frolova

Kazan (Volga region) Federal University, Russia
420008, Kazan, Kremlevskaya str 18, e-mail: alfrol1@mail.ru

This article discusses the attitude of cancer patients to death in terms of the temporal perspective and the level of religiosity. An important result of this study was that various parameters of a temporal perspective, reflecting the ability for prognostic competence, performing an adaptive function, programming future constructive behavior and being a marker of psychological health, can serve as indicators of an adequate experience of the fear of death. It is revealed that religiosity does not reduce the fear of death, but may affect the attitude towards death.

Keywords: temporal perspective, prognostic competence, attitude to death, religiosity.

Согласно Всемирной Организации Здравоохранения паллиативная помощь — подход, позволяющий улучшить качество жизни пациентов (детей и взрослых) и их семей, столкнувшихся с проблемами, связанными с опасным для жизни заболеванием, путём предотвращения и облегчения страданий за счёт раннего выявления, тщательной оценки и лечения боли и других физических симптомов, а также оказания психосоциальной и духовной поддержки [9]. Особое место в паллиативной поддержке зани-

мают онкологические заболевания. Психологический аспект паллиативной поддержки онкобольных заключается в предотвращении социальной изоляции больных, смягчении реакции больных в ответ на ситуацию, связанную с постановкой онкологического диагноза и принятием назначенной схемы лечения [9]. В настоящее время считается общепризнанным, что личность больного не является пассивной средой, а представляет собой активный и действующий субъект, от реакции которого зависит течение и прогноз заболевания [9]. Оценка механизмов саморегуляции, адаптационного потенциала онкобольного позволяет более точно определить направления паллиативной помощи, опираясь на возможности пациента, стимулируя и направляя развитие конструктивных форм компенсации, способствовать улучшению качества жизни больного, встраивать эффективные индивидуальные реабилитационные программы. Задачей паллиативной помощи онкобольного является, во-первых, помощь в преодолении переживаний, связанных с диагнозом, во-вторых, помощь в активизации личностных ресурсов, возвращении нарушенной идентичности. Известно, что онкологические заболевания сопровождаются переживаниями безнадежности, потерей контроля над своей жизнью, ощущением растерянности, потерей жизненных перспектив, экзистенциальным одиночества. Неопределенность, связанная с онкологическим диагнозом, ожидание смерти — одни из самых тяжелых экзистенциальных фрустраций. Эти обстоятельства, по мнению Ялома, представляют собой «столкновение со смертью» или «пробуждающим переживанием» и могут переводить жизнь человека из повседневного в онтологический модус [2, 3]. В соответствии с представлениями Хайдеггера, находясь в онтологическом модусе, «формируется готовность построения жизни, наполненную

смыслом, деятельностью, основанную на чувстве связанности с людьми и ведущую к самореализации» [2]. Таким образом, ситуация «встречи со смертью» позволяет приблизиться к тому, по мнению Виктора Франкла, что считается сущностью человеческого существования – самотрансценденции [4]. Отсутствие самотрансценденции способно проводить к пассивной фаталистической позиции, дезадаптации, детерминировать деструктивные формы поведения. Отношение к смерти – экзистенциальный концепт, который можно рассматривать в качестве фактора, определяющего конструктивный или деструктивный тип отношения к онкологическому диагнозу и собственной жизни. Острая травматизация, дистресс, связанный с болезнью, для совладания с которой, зачастую, не оказывается ресурсов, «смягчается» обращением к Богу. Религия, как отмечает Хоггу, имеет большое значение в преодолении переживания беспомощности и безнадежности, вносит упорядоченность в повседневную жизнь, дает человеку ощущение понимания происходящего [5]. Большое значение для понимания механизмов успешной переработки стрессогенных обстоятельств онкологического больного, является исследование временной перспективы, которая предполагает способность «выйти за непосредственные временные границы, осознанно рассматривать свой опыт в свете удаленного прошлого и будущего, действовать и реагировать в этих параметрах, извлекать опыт из прошлого тысячелетней давности и формировать долговременное будущее», свидетельствующая о прогностической компетентности, обеспечивающая гармоничное функционирование личности в мире [7]. В этой связи, изучение концепта отношение к смерти в аспекте индивидуальной структуры религиозности и временной перспективы личности у онкологических больных имеет особую актуальность.

Цель работы – на основании сравнительного анализа взаимосвязей изучить отношение к смерти у лиц с онкологическим диагнозом в аспекте временной перспективы и религиозности.

Обследование проводилось на базе Клинического онкологического диспансера МЗ РТ. В исследование было включено 100 человек – пациенты торакального отделения с онкологической патологией легких и средостения, которые после оперативного вмешательства находились на этапе выписки из стационара и не имели показаний для лечения в отделении химиотерапии. Средний возраст – $45,8 \pm 0,62$ года, мужчины и

женщины. В исследовании принимали участие религиозно ориентированные респонденты, исповедующие христианство и ислам.

Методы исследования. В качестве диагностического инструментария использовались: для оценки прогностической компетентности – «опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо [11]. В качестве теоретической основы авторы берут теорию временной перспективы Курта Левина. Взаимодействие с временным континуумом – базовая составляющая человеческого опыта, оказывающая определяющее воздействие на отношения личности с реальностью и все области ее жизнедеятельности; для диагностики степени религиозности была использована методика С. Хубера – Centrality of Religiosity Scale [6]. Данная методика предполагает, что религиозность является многомерным конструктом, который определяет специфику когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер. Следовательно, опросник сформирован таким образом, чтобы учесть и зафиксировать все возможные проявления религиозности и модусы ее активизации. Для исследования специфики отношения к смерти использовалась методика «Профиль установок по отношению к смерти» П.Т.П. Вонга [10]. Методика представляет собой многомерную шкалу для исследования отношения к смерти, включающую пять планов измерения: «страх смерти», «избегание смерти», «нейтральное принятие», «приближающее принятие» и «избавляющее принятие». Все они взаимодействуют в отношении человека к смерти, а не исключают друг друга. Шкала нейтрального принятия смерти измеряет насколько присущи человеку убеждения, что смерть является неотъемлемой и неизбежной частью бытия в мире, не может быть оценена как нечто хорошее или плохое, шкала отражает принятие смерти как «неизбежного факта жизни «старается наилучшим образом использовать конечную жизнь»».

Для обработки эмпирических данных применялись математические и статистические методы анализа и обработки данных: частотный анализ и корреляционный анализ. Статистическая обработка данных выполнялась с помощью пакета программ Excel.

Результаты и их обсуждение. Согласно результатам оценки временной перспективы содержание структуры по пяти шкалам (негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее время) распределилось следу-

ющим образом: 26,32% опрошенных имели низкие баллы и по шкале негативного прошлого, 69,73% не оценивали свое прошлое как негативное, 3,95% имели высокие баллы по шкале «негативное прошлое» и характеризовали его как болезненное, наполненное травмирующими переживаниями: «вспомнить не о чем»; 21,05% респондентов показали низкие баллы по шкале гедонистического настоящего, что соответствует реальному жизненному контексту испытуемых – нахождение в стрессогенной ситуации, 68,42% респондентов имели средние баллы по шкале гедонистического настоящего; однако 10,52% респондентов, которые показали высокие баллы по данной шкале, характеризовали свою жизненную ситуацию как возможность «наслаждаться жизнью» «возможностью пожить для себя»; 47,36% респондентов получили средний и 51,31% – высокий балл по шкале будущего, что свидетельствовало о надежде на выздоровление и наличие жизненных перспектив; пессимистичность, критическая оценка себя и окружающих, обесценивание – особенности респондентов, которые показали (13,16% опрошенных) низкие баллы по шкале позитивного прошлого; 36,84% имели низкие баллы, 60,53% – средние баллы и 2,63% – высокие баллы по шкале фаталистического настоящего. Т.е., несмотря на то, что респонденты демонстрировали активную жизненную позицию («на Бога надейся, а сам не плошай»), придерживались мнения о том, что «делай, что должно, а все равно все в руках Бога», «как Бог захочет, так и будет». Таким образом, обнаружено, что в выборке несколько были снижены показатели по шкале гедонистического настоящего, что соответствует результатам исследования Ф. Зимбардо и Д. Бойда, согласно которому высокие показатели отрицательно коррелируют с уровнем религиозности [11]. По шкале трансцендентного будущего 3,94% опрошенных имели низкий балл, 10,52% – средний уровень и 85,52% – высокий уровень, что говорит о широком распространении в выборке веры в бессмертие души, в существование некоего иного уровня бытия и высшую справедливость после смерти – эта шкала отражает не столько ориентацию на трансцендентное будущее как время, которым живет человек (в отличие от остальных шкал), сколько веру человека в возможность трансцендентного бытия как такового. Важным, на наш взгляд, является следующее: именно высокие значения «негативных» типов временной перспективы приводят к общей «дисгармонизации», противоречивости

жизненной организации и являются определенным показателем ресурсов личности.

Прокомментируем характер структуры религиозности, выявленный с помощью качественной и количественной обработки данных. Наиболее распространенным аспектом религиозности в выборке стало религиозное самосознание. На наш взгляд, это свидетельствует о следующих феноменах: самосознание и самоопределение являются исходными для феномена религиозности и в этом проявляется субъектность личности, в ее способности к активному формированию ценностей, приоритетов. Ключевым пунктом в фундаментальных вопросах, касающихся миропонимания, становится способность к самодетерминации человека. То есть, с одной стороны, мы видим в данной группе респондентов, стремление чувствовать себя инициатором собственных действий, самостоятельно контролировать своё поведение, с другой – высокий уровень религиозности свидетельствует о потребности чувствовать божественную поддержку, убеждение в том, что «Бог не оставит в трудную минуту, укрепит меня в моих действиях». Таким образом, выраженность шкал позитивного будущего во взаимосвязи с высокими показателями религиозного самосознания, являются важным положительным маркером в формировании копинг-стратегии, где религия выступает как конструктивный элемент совладающего поведения в преодолении онкологического диагноза. Согласно «Профилю аттитюдов по отношению к смерти» П.Т.П. Вонга [10], в группе респондентов наибольшее распространение в выборке получило нейтральное отношение к смерти и приближающее принятие смерти – шкалы «позитивного» восприятия смерти.

Анализируя прогностическую компетентность (опросник временной перспективы) во взаимосвязи с отношением к смерти, получены следующие результаты. Отметим, что смысловое содержание отношения к смерти в соотношении с особенностями временной перспективы, позволяет описать как человек видит свою жизнь в ее временной протяженности: как он относится к своему прошлому, как понимает закономерность событий его жизни, в чем видит цель жизни и планирует ли он будущее. Выявлено, что страх смерти имеет прямую корреляционную связь с временной перспективой фаталистического настоящего ($r=0,29$; $p=0,01$) и обратную связь с временной перспективой трансцендентного будущего ($r=-0,31$; $p=0,05$). В ходе работы

было установлено, что избегание темы смерти имеет прямую связь с временной перспективой гедонистического настоящего ($r=0,35$; $p=0,01$) и с перспективой позитивного прошлого ($r=0,29$; $p=0,01$), фаталистического настоящего ($r=0,26$; $p=0,05$), и обратную связь с трансцендентным будущим ($r= - 0,38$; $p=0,001$). В данном случае, для временной перспективы респондентов характерно положительное и достаточно сентиментальное отношение к личному прошлому, что связывается с такими качествами, как позитивный взгляд на прожитую жизнь, активность, стремление погружаться в мир приятных воспоминаний, обращение к прошлому как ресурсу, с одной стороны, с другой – данная тенденция, может рассматриваться как защитная реакция компенсации, когда наряду с общим беззаботным отношением к жизни, ориентацией на получение наслаждения в настоящем («живем одним днем, а что будет завтра один Бог ведает»), осознание возможной конечности жизни вытесняется, и может характеризоваться позицией обесценивания, недооценки тяжести собственного заболевания, саботажа врачебных рекомендаций. Мировоззренческая позиция о том, что болезнь возникла как кара, испытание («не просто так», «не случайно») представлена корреляцией между шкалой негативного прошлого и «смерти как избавления». Обнаружено, что шкала «приближающее принятие смерти» имеет прямую связь с негативным прошлым ($r=0,27$; $p=0,021$) и прямую связь с трансцендентным будущим ($r=0,367$; $p=0,001$). При избавляющем принятии смерти есть прямая связь с негативным прошлым ($r=0,33$; $p=0,003$), с фаталистическим настоящим ($r=0,29$; $p=0,01$). При выраженности шкалы «смерть как избавление» профиль временной перспективы акцентуируется в сторону отрицательного отношения к прошлому и выраженности фаталистического настоящего. То есть респонденты негативно реконструируют события личного прошлого и отрицательно оценивают настоящее. Данные сочетания временной перспективы и отношение к смерти могут свидетельствовать о таких чертах как пессимистичность, депрессивность, которые заострились под влиянием неблагоприятной ситуации и могут трансформироваться в реакции эскейпа, навязчивые страхи. Фаталистическая установка выражается в определенной позиции беспомощного отношения к будущему и к жизни в целом, фиксации на негативных переживаниях, что находит свое отражение в неудовлетворенности жизнью в

настоящем, отсутствии жизненных перспектив. При переживании страха смерти меньше выражена нацеленность на будущее и ориентация на настоящее, как на источник жизненных возможностей и положительных эмоций в жизни. В этой связи, показательным неблагоприятным маркером, свидетельствующим об отсутствии жизненных ресурсов, являются выраженные баллы по шкале негативного настоящего и будущего. Респонденты, находящиеся в ситуации дистресса, в связи с диагнозом, очевидно оценивали текущую ситуацию как подготовку к следующей, более тяжелой, ужасающей реальности, полной страданий и мучений («это еще цветочки, ягодки – впереди»). Вышесказанное иллюстрирует концепция Мэя согласно которой, прошлое – это сфера обстоятельств, из которой человек сам выбирает события, для того чтобы реализовать свой потенциал, получить безопасность в обозримом будущем: «То, кем стремится стать индивид, детерминирует то, что он помнит из своего прошлого. В этом смысле будущее определяет прошлое» [7]. Таким образом, временная перспектива трансцендентного будущего связана обратными связями со шкалами негативного восприятия смерти (страхом и избеганием) и одной сильной прямой связью со шкалой положительного восприятия – приближающим принятием. Временная перспектива фаталистического настоящего имеет три прямые связи с шкалами восприятия смерти. Таким образом, шкалы трансцендентного будущего и фаталистического настоящего имеют больше связей со шкалами отношения к смерти, чем другие временные перспективы, из чего можно сделать вывод, что именно они могут оказать определяющее влияние на отношение к смерти. Шкала негативного прошлого имеет две прямые связи со шкалами отношения к смерти – это говорит о том, что данная временная перспектива также играет немаловажную роль в восприятии отношения к смерти респондентами. Сравнительный анализ отношения к смерти и их связей с религиозностью в аспекте с временной перспективой обнаружил следующие особенности. Установлено, что принятие смерти связано со шкалами веры в личностного Бога, религиозного самосознания и шкалой религиозности (опросник С. Хубера). Шкала приближающего принятия связана с убеждением, что смерть – это просто «переход» и отражает веру респондента в то, что смерть может препроводить в лучший мир, где он встретится с умершими близкими, и что единственное,

что его утешает при мысли о смерти – это вера в бессмертие души. Также эта шкала отражает веру в Рай и отражает религиозное самосознание. Отметим, что «приближающее принятие» смерти имеет прямую корреляцию с временной перспективой трансцендентного будущего. Средний балл по шкалам «смерти как избавления» и «фаталистическое будущее» был достоверно ниже, чем у респондентов с нейтральным принятием смерти и положительной оценкой будущего и настоящего ($p < 0,05$).

Выводы. Установлено, что избавляющее принятие смерти, характеризующееся установкой о том, что смерть – это освобождение от страданий, также связана с верой в личного Бога, религиозным самосознанием и шкалой религиозности С. Хубера. Для респондентов с мировосприятием негативного настоящего и фаталистического будущего смерть представляется как избавление от земных мучений, настоящую жизнь они характеризовали как полную боли и несправедливости, такие трактовки событий могут объясняться наличием онкологического диагноза и как следствие, преобладание в структуре личности гипостенических черт. Кроме того, на трансцендентное бытие возлагается надежда вознаграждения за страдания, которые очистили души, убежденность в том, что «болезнь дается не зря». Это объясняет, каким образом у респондентов «избавляющее принятие» связано с трансцендентным будущим и подкрепляется наличием достоверной связи с негативным восприятием прошлого. Нейтральное принятие смерти связано с общей шкалой религиозности С. Хубера. В ходе исследования выявлено, что религия выступает в качестве важных элементов копинга, снижающих тревогу смерти и даже способна придать ей позитивный смысл, однако эта шкала, скорее отражает гармоничное принятие мира и смерти как неотъемлемой части бытия.

Проведенный математический анализ показал, что страх смерти не связан ни с одним компонентом структуры религиозности. Однако страх смерти связан обратной связью с временной перспективой трансцендентного будущего. Следовательно, вера в бессмертие души и в возможность бытия после смерти снижает страх смерти. Таким образом, можно заключить, что ни религиозность в целом, ни отдельные ее компоненты не усиливают страх смерти, косвенным образом религиозная картина мира может повлиять на страх смерти в сторону его уменьшения («примирения»), но не может полностью его купировать,

поэтому независимо от высокого уровня религиозности в выборке, была получена широкая амплитуда баллов по шкале страха смерти.

Важным результатом данного исследования, явилось то, что в качестве индикаторов адекватного переживания страха смерти могут выступать различные параметры временной перспективы, отражающие способность к прогностической компетентности, выполняющие адаптивную функцию, программирующие конструктивное будущее поведение и являющиеся маркером психологического здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фолиева Т.А. Адаптация методики «Religious Emphasis Scale» / Шкала Религиозного Акцентирования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21, № 4. С. 101–104.
2. Хайдеггер М. Бытие и время М.: Эксмо, 2015. 460 с.
3. Ялом И. Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2008. 352 с.
4. Frankl V.E. Man's Search for Ultimate Meaning / Ed. by R. A. Neimeyer. N.Y.: Taylor and Francis, 2004. P. 21–145.
5. Hogg M.A., Adelman J.R., Blagg R.D. Religion in the face of uncertainty: An uncertainty-identity theory account of religiousness // Personality and Social Psychology Review. 2010. Vol. 14. № 1. P. 72–83.
6. Huber S.(2012). The Centrality of Religiosity Scale (CRS) [Text] // Religions. 2012. Vol. 3(3). P. 710–724; doi:10.3390/rel3030710.
7. May R. The Meaning of Anxiety. N.Y.: Pocket Books, 1977.
8. Pugliese P. et al. An integrated psychological strategy for advanced colorectal cancer patients // Health and Quality of Life Outcomes. 2006. Vol. 4, № 9.
9. World Health Organization. Symptom relief in terminal illness // WHO. Geneva. 1998. 109 p.
10. Wong P. T.P. Meaning of life and meaning of death in successful aging. In: Death attitudes and the older adult: Theories, concepts and applications [Ed. by A. Tomer]. Washington, DC: Taylor-Francis, 2000. P. 23–36.
11. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. №77. P. 1271–1288.

REFERENCES

1. Folieva T.A. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*. 2015. Vol. 21, № 4, pp. 101–104. (in Russian)
2. Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Moscow: Eksmo, 2015. 460 p. (in Russian)
3. Yalom I. D. *Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn' bez strakha smerti*. Moscow: Eksmo, 2008. 352 p. (in Russian)

Поступила